
У городских ворот толпился народ. Царило оживление, подобающее лишь великим празднествам, однако дорогу, ведущую от ворот к императорскому дворцу, люди освободили сами, без понуканий стражи. Армия семьи Ян под предводительством маршала Ян Е и четверых его сыновей медленно входила в город, направляясь к резиденции правителя.

Лю Цинье, по своему чину, не имел права присутствовать на утренней аудиенции, но раз уж сам государь изъявил такое желание — кто посмеет перечить? Пань Бао знал, как сильно отец ненавидит этого выскочку, ускользнувшего из-под их контроля, но Пань Жэньмэй удержал сына от попыток затеять ссору.

Кому, как не отцу, знать нрав Пань Бао? Сын был вспыльчив и скор на руку, в то время как книжники привыкли сражаться пером и изощренным умом. Лю Цинье уже сейчас напоминал молодого лиса; столкнись Пань Бао с ним в открытую — и тот мигом обставит его в подковерных играх.

При мысли об этом Пань Жэньмэй ощутил глухую головную боль. Всю жизнь он славился своим пронизательным умом, но судьба наделила его лишь одним наследником. Все, чего он достиг, в будущем должно было перейти к сыну, но как доверить власть человеку с таким характером и скудным разумом? Временами Пань Жэньмэй до зубовного скрежета завидовал Ян Е. Будь у него хоть один сын, подобный юным генералам Ян, он мог бы не беспокоиться о завтрашнем дне. Вероятно, именно в этой жгучей зависти и крылись истоки всех интриг, которые Пань плел против ненавистного семейства.

Видя, что отец запрещает ему трогать Лю Цинье, Пань Бао недовольно нахмурился, собираясь возразить. Но Пань Жэньмэй оборвал его одним ледяным взглядом.

— Когда ты наконец научишься обуздывать свой гнев? Пора бы уже начать шевелить мозгами. Кто такой Лю Цинье? Книжник. А в чем их главная сила? В пере и языке. К тому же он служит в академии Ханьлинь — оплоте всех столичных интеллектуалов. Не имея верного шанса, не вздумай задирать его. Или ты возомнил себя мудрее собственного отца?

У Пань Бао все же имелись свои достоинства: он умел признавать ошибки и беспрекословно слушался родителя.

— Но, отец... неужели мы просто позволим ему карабкаться наверх? Сегодня император разрешил ему присутствовать на совете. Пусть это лишь на день, но еще ни один мелкий чиновник не удаивался чести стоять в одном ряду с высшими сановниками. Не станет ли это сигналом для остальных, что государь решил возвысить его?

Пань Жэньмэй удивленно посмотрел на сына — он не ожидал от него столь здравого суждения.

— Это лишь одна сторона медали. Как бы на него ни смотрели окружающие, он не сможет

взлететь до небес в один миг. С его нынешним чином путь к залу дворца Цзычэнь должен занять годы, так что пока он не опасен. Сейчас наша главная забота — семья Ян. Вот наш истинный враг. В этот раз они одержали победу при заставе Яньмэнь, и на поле боя мы их не достанем. Однако та вещица, которую ты нашел вчера, поможет нам немного сбить с них спесь.

Пань Бао склонил голову в знак согласия:

— Прошу простить мою горячность. Семья Ян сейчас — цель номер один.

Приведя одежду в порядок, отец и сын Пань направились во дворец на аудиенцию.

Лю Цинье и не подозревал, что по счастливой случайности только что избежал серьезного удара по своей карьере. Дистанция между ним и креслом канцлера была все еще огромной. Вчерашнее повеление императора он воспринял со всей серьезностью: переговорив с Ханьлинем Гао, он подготовился и отправился во дворец.

Его беспокоил лишь один вопрос: как вести себя по отношению к Ян. Пань Жэньмэй уже видел в нем врага, и хотя Лю не собирался играть в «двойного агента», оставаться в стороне он тоже не мог. Нейтралитет означал бы бездействие, что шло вразрез с его амбициями. С другой стороны, помогать Ян следовало тонко, не вызывая подозрений — император не одобрял союзов между гражданскими чинами и военачальниками. Впрочем, Лю интуитивно чувствовал, что маршал Ян Е вряд ли окажется в проигрыше. Государь явно дорожил этой семьей за их непоколебимую верность престолу.

С этими мыслями Лю Цинье, чувствуя необычайную легкость в теле, вступил в дворцовые палаты. Погода была прекрасной. «Канцлер Пань, — мысленно усмехнулся он, — постарайтесь сегодня не слишком выходить из себя».

Когда придворные заняли свои места, в зал вошли Ян Е и четверо его сыновей. После совершения положенных поклонов император милостиво велел им подняться.

Зазвучали слова высочайшей похвалы в адрес дома Ян. Он, как всегда, был сама скромность:

— Служить государю и делить его заботы — мой долг, в этом нет никакой заслуги.

Он говорил искренне: его преданность династии Сун была тверда как скала. Тай-цзун прекрасно это знал, а потому давал полководцу максимум свободы. Император понимал: сам он не воин, его задача — умело использовать таланты других. Пань Жэньмэй был незаменим в административных делах, но в военное время он не стоил и мизинца Ян Е. Кого посылать против ляосцев, если не Непобедимого Яна?

— Прекрасно! — воскликнул император. — Не кичиться подвигами и не впадать в самодовольство — вот истинный пример для всех подданных.

Государь окинул взглядом собрание, на миг задержавшись на Пань Жэньмэе. В этом взоре читалось немое предупреждение: «Знай меру, канцлер, мое терпение не безгранично». Затем его взгляд скользнул к самому концу ряда, где стоял Лю Цинье.

Пань Жэньмэй, впрочем, проигнорировал предостережение. Он не мог упустить столь редкий случай уязвить Ян.

— Маршал Ян, преданность вашей семьи не вызывает сомнений и восхищает каждого. Но говорят, что муж должен сперва навести порядок в собственном доме, а уж потом управлять государством. Ваше личное благородство неоспоримо, но вот дела семейные... признаться, они вызывают у нас глубокую тревогу.

Ян Далан и его братья едва сдерживали клокочущую в груди ярость. Лишь осознание того, что они стоят в золотом чертоге перед лицом императора, удерживало их от опрометчивых действий. Пань Бао вызывающе смотрел на них, источая неприязнь, но на старших Ян это не действовало — они привыкли к настоящим опасностям. Пань Жэньмэй же, некогда сам бывший воином, лишь усмехался в ответ на их тяжелые взгляды; ярость юнцов казалась ему детской забавой.

Своими словами канцлер тонко намекал императору: вчерашний поджог и вторжение в покои дворца — дело рук Ян. Нельзя прощать столь дерзкое преступление лишь из-за воинских заслуг.

Император на мгновение замолк. По его знаку слуга внес на золотом подносе украшенную камнями заколку. Тай-цзун велел показать ее Ян Е. Внутри у государя шевельнулось раздражение: Пань Жэньмэй явно пытался загнать его в угол, вынуждая судить любимого генерала.

Ян Е взглянул на вещицу, прикрытую шелковым платком. Лю Цинье не видел лица маршала, но заметил, как напряглись его плечи. Стало ясно: именно Тайцзюнь Шэнь вчера спасла Ян Люлана. Ситуация была патовой. Если Пань Жэньмэй вцепится в эту улику мертвой хваткой, Ян Е придется несладко. Лю понимал, что он здесь лишь сторонний наблюдатель и ничем не может помочь.

Пань Бао, не удержавшись, влез со своими комментариями, особо подчеркнув, что женщина, спасшая поджигателей, владела искусством копыя семьи Ян. Маршал узнал заколку — он сам когда-то подарил ее жене. Как честный человек, он не хотел лгать императору и уже открыл рот, чтобы признаться, но государь перебил его на полуслове.

— Эта безделушка... — голос императора звучал на удивление твердо и холодно. — Я вижу, что это самая обычная работа, какую можно купить в любой лавке. Она ничего не доказывает.

Ян Е замер, пораженный тем, что император не дал ему договорить. Лю Цинье же ничуть не удивился. Раздражение государя на мелочность Паня переросло в открытую защиту Ян. Это был ясный сигнал: Тай-цзун не желает расследовать события вчерашнего вечера. За этим крылась не только благодарность за победу, но и некая иная, более глубокая причина.

— Я размышлял об этом всю ночь, — продолжал император, оглядывая притихший зал. — До меня дошли слухи, будто в стенах дворца спрятаны несметные сокровища. Очевидно, какие-то авантюристы, наслушавшись этих бредней, решили попытать счастья. Канцлер слишком близко к сердцу принял эту нелепицу. Маршал Ян только вернулся в столицу, откуда ему знать об этих городских сплетнях?

Чиновники принялись перешептываться. Коу Чжунь вышел вперед:

— Но что же они искали на самом деле?

Император усмехнулся:

— Какие такие секреты могут быть во дворце, о которых не знал бы я сам? Вчерашний пожар лишь подтвердил, что затея этих воров была пустой и глупой.

Пань Жэньмэй не сдавался:

— Но Ваше Величество, охрана дворца безупречна. Как эти люди смогли проникнуть внутрь? А если в следующий раз...

Государь кивнул:

— Канцлер прав. Командующий Пань, усильте патрулирование. Впредь любого, кто осмелится без спроса войти в запретный город, карать по всей строгости закона.

Лю Цинье едва сдержал улыбку. Дело закрыли с изяществом, достойным великого мастера: просто взяли и «забыли». Под конец император бросил на Ян Е многозначительный взгляд: «Я закрываю на это глаза из милости и доверия, так что служи еще ревностнее».

Ян Е был далеко не глуп. Он понял, что император знает правду, но сознательно защищает его. Сердце маршала переполнилось благодарностью.

— Раб Вашего Величества глубоко признателен за великую милость.

Император остался доволен.

— Аудиенция окончена. Лю Цинье, останься.

Министры и генералы потянулись к выходу. Пань Жэньмэй и его сын были в ярости от такого исхода, но не посмели перечить воле монарха. Канцлер утащил за собой недовольного Пань Бао, стараясь не выказать своего поражения.

Лю Цинье смотрел вслед Ян Е, понимая, что дома Шестому молодому господину несдобровать. Впрочем, его это не касалось — он предпочитал роль зрителя. Больше его занимало другое: зачем он понадобился государю? Он и не догадывался, что император уже приметил его как возможного преемника на пост канцлера в далеком будущем. Тай-цзун искал свежую кровь, и Лю подходил идеально.

Когда двери за последним чиновником закрылись, Лю Цинье остался один перед тронном. Император не стал ходить вокруг да около:

— Я слежу за тобой еще со времен столичных экзаменов. Ты — добрый росток. Не заостенел в догмах, не бросаешься в крайности, но и не трусишь сверх меры. Таких молодых людей нынче мало. Я даю тебе шанс. Если воспользуешься им с умом и сохранишь верность, твое будущее будет безоблачным. Помни: мне нужны преданные люди. Не разочаруй меня.

Лю Цинье не ожидал столь прямого признания своих заслуг. Такой шанс выпадает раз в жизни, и только дурак мог бы его упустить. Конечно, доверие императора — вещь хрупкая, и пока это лишь аванс. Если он справится, выиграет и государь, и он сам. Лю, несмотря на всю свою выдержку, не смог сдержать легкой торжествующей улыбки.

Император, наблюдавший за ним сверху, заметил это выражение лица.

— Я дал тебе возможность, — голос монарха стал серьезным. — Теперь слушай свое первое задание. Лю Цинье, я хочу, чтобы ты начал тайное расследование... против канцлера Паня.

Лю Цинье на мгновение замер с ошеломленным видом. Император, глядя на его замешательство, выглядел по-настоящему довольным. Грядли большие перемены.

<http://bllate.org/book/17388/1695327>